

Я помню
её такой...

Мои ^{Глеб} Скороходов
Королевы
Раневская, Зелёная,
Гельцер

Я помню ее такой...

Глеб Скороходов

**Мои королевы: Раневская,
Зелёная, Пельтцер**

«Алгоритм»

2016

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Скороходов Г. А.

Мои королевы: Раневская, Зелёная, Пельтцер /
Г. А. Скороходов — «Алгоритм», 2016 — (Я помню ее
такой...)

Говорят, призвание смешить и не быть посмешищем дано единицам. Фаина Раневская, Рина Зелёная, Татьяна Пельтцер умели вызывать и добрые улыбки, и заливистый смех. А могли заставить и надолго замолчать в раздумьях... Образы, сыгранные этими блистательными комедийными актрисами, всегда будут вызывать восхищение. Фразы из фильмов, которые они придумывали прямо на съемочной площадке, становились крылатыми. Гениальная Фаина Раневская превратила в театрализованную трагикомедию даже собственную жизнь. Неповторимую Рину Зелёную помнят и любят по ролям черепахи Тортиллы в «Приключениях Буратино», миссис Хадсон в «Шерлоке Холмсе» и огромному количеству эпизодических, но запоминающихся ролей. Неувядающая Татьяна Пельтцер называла себя «счастливой старухой». В этом была ее жизненная правда: в семьдесят пять, играя самых разных старушек, она прыгала с забора, танцевала на кровле дома, каталась на крыше троллейбуса. Их творческие биографии известны вроде бы вдоль и поперек. Тем ценнее для читателя будут наблюдения современника этих великих актрис, Глеба Скороходова, лично знавшего каждую. Книга также издавалась под названием "Женщины шутят. Раневская, Зеленая, Пельтцер"

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Скороходов Г. А., 2016

© Алгоритм, 2016

Содержание

Фаина Раневская. Королева комедий рассказывает...	6
Предисловие	6
Право гения	7
«Кинопанорама» и другие	13
Поэт Эдит Пиаф	19
Первая встреча с Роммом	22
Антипырьин	24
Не только актриса	28
«С досадой!»	32
Прогулка по Кремлю	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глеб Скороходов Мои королевы: Раневская, Зелёная, Пельтцер

Фаина Раневская. Королева комедий рассказывает...

Предисловие

Автор хотел бы предупредить любезных читателей, что книга, которую вы открыли, хотя по форме и похожа на дневник, дневником ни в коем случае не является. Автор фиксировал свои впечатления, рассказы героини книги и диалоги с ней от случая к случаю. И делал это на протяжении пяти лет. Одно, без сомнения, объединяет все рассказанное в книге, – она посвящена актрисе, которую те, кто видел, забыть не смогут. Актрисе, о которой при ее жизни слагались легенды, а после ее смерти ей и по сей день приписывают все новые и новые изречения, будто она не играла в кино и театре, а сидела где-то в капище и всю жизнь, как пифия, изрекала мудрые мысли и предсказания.

И не только. Об этой актрисе уже сложили и продолжают слагать десятки анекдотов, якобы случившихся с ней. Очевидно, ее характер, образ мыслей, восприятие окружающего дают повод для такого мифотворчества. И если она не стала фольклорным персонажем вроде Василия Ивановича Чапаева, то, думаю, оттого, что ее собственное творчество оказывается сильнее мифа.

Это актриса на все времена – Фаина Григорьевна Раневская.

Она действительно была человек необычный. Необычность ее начинается с имени-отчества. В ее паспорте значилось: «Файна Григорьевна Раневская», но в жизни ее чаще всего называли Фаиной Георгиевной Раневской. И устно, и письменно.

– Почему? – спросил я.

– Может, мне хотят польстить? Ведь Гришка – Отрепьев, а Георгий – Победоносец!

В книге Раневская почти всегда действует под инициалами «Ф. Г.»

Право гения

Актерская психология мне представляется загадкой. Во всяком случае, объяснить ее, исходя из нормальной, повседневной логики, зачастую невозможно.

Ф. Г. вспомнила, как однажды пришла на обед к Качалову. Его дома еще не было – задержался на репетиции, – Раневскую встретила его жена. Через полчаса звонок. Входит Василий Иванович.

– Очень хорошо, что пришла, – говорит он Раневской. – Голодная? Сейчас же садимся. Качалов поправил пенсне, подошел к буфету и налил себе рюмку.

– Ну-с, очень хорошо, хорошо.

– Вася, у тебя что-нибудь случилось? – тревожно спросила жена.

– Нет, Ниночка, ничего, все очень хорошо.

– Что хорошо?

– Сегодня Владимир Иванович Немирович-Данченко отказал мне от роли Вершинина – и это очень правильно.

– Как?! Ты не будешь играть Вершинина? Как это можно?! А будет играть Болдуман – он моложе меня.

– Ну что ты, Ниночка, – Василий Иванович протер пенсне, – все очень правильно. Вершинин молод, а я уже не то. Ну, разве можно в меня влюбиться? – он надел пенсне. – Ну, посмотри?

Талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности

– Но ты же мечтал играть эту роль. Я буду звонить, я это так не оставлю, – нервничала жена.

– Ничего не надо делать, Ниночка. Пойми, все правильно: в новом спектакле Вершинина будет играть Болдуман – он моложе меня, в него можно влюбиться. Все правильно, Ниночка.

А однажды Ф. Г. в случайном разговоре вдруг сказала мне о «праве гения», которым она, к сожалению, не обладает, ибо к лику гениальных причислить себя не может.

– Свинство не позволяет, – пояснила она.

– Право гения на что? – не понял я.

– Изумительное право не играть, если актер этого не может, – улыбнулась она.

Ф. Г. рассказала, как однажды Федор Иванович Шаляпин вышел уже в гриме на сцену в опере «Вражья сила» Серова. Отзвучал оркестр – певец молчит. Дирижер повторил вступление еще раз, затем другой... Шаляпин обвел грустными глазами зал, покачал головой и ушел со сцены.

К нему в уборную влетел владелец оперы – Зимин:

– Федор Иванович, что же это?! Аншлаг – публика вне себя!

Шаляпин посмотрел на него и тихо сказал:

– Не могу. Тоска.

И затем обратился к секретарю с распоряжением выписать Зимину чек на покрытие убытков.

– Хорошо право гения, если оно подкрепляется чековой книжкой! – улыбнулся я.

– О, в наше время это право умерло – может быть, вместе с гениями... Я не помню случая, – продолжала Ф. Г., – чтобы спектакль отменили по моей вине. Случается, что играть не хочется, – ну вот просто нет сил выйти на сцену. И нет настроения, желания общаться с партнерами. Павла Леонтьевна Вульф меня учила: в таком случае ни за что не насилуй себя, не нажимай на педали – играй спокойно – и настроение появится. Пребывай в тех обстоятельствах, в которые тебя поставила пьеса, действуй в этих обстоятельствах, нужное творческое самочувствие придет.

Василий Иванович Качалов в роли Гамлета

С Раневской я встретился в ноябре 1964 года. До этого я видел ее несколько раз.

Впервые – в 1947 году на премьере «Весны» в Зеленом театре. Премьера прошла со средним успехом: фильм показался громоздким, утомительным, а порой (например, в бутафорских опытах с солнечной энергией) и скучным. Восторг вызвали, пожалуй, только сцены Раневской и Плятта, особенно знаменитый кульбит на лестнице, фразы Маргариты Львовны: «Я возьму с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе!», разговор по телефону: «Скорую помощь! Помощь скорую! Кто больной? Я больной. Лев Маргаритович. Маргарит Львович».

Кстати, и этот текст придумала сама Ф. Г. Когда Александров пригласил ее сниматься в «Весне», то в сценарии Маргарите Львовне отводился один эпизод: она подавала завтрак своей знаменитой племяннице.

– Можете сделать себе роль, – сказал Александров.

Именно персонаж Раневской и оказался наиболее интересным в этом фильме. И смешным тоже. А без смеха какая комедия?!

После премьеры зрители ринулись к актерам. Меня подхватила толпа, и вдруг я увидел Раневскую. Она стояла возле машины, почти у самого парапета Москвы-реки, испуганная и чем-то обеспокоенная. Я запомнил ее глаза: они не замечали мальчишек, орущих «Муля!», а смотрели поверх толпы, словно ища спасения.

Позже я узнал (Ф. Г. рассказала об этом), что все объяснялось просто: премьера затянулась, Ф. Г. безумно проголодалась, а где-то среди зрителей затерялась ее учитель и наставник Павла Леонтьевна Вульф, с которой она собиралась ехать ужинать.

В следующий раз я увидел Раневскую лет десять – пятнадцать спустя – в радиостудии на Центральном телеграфе. Она изменилась, постарела, хотя глаза оставались такими же – большими и немного испуганными, только теперь к тому же и грустными.

Фаина Раневская и Ростислав Плятт в фильме «Весна»

Катя Дыховичная (редактор «Театра у микрофона») тогда сказала, что Раневская только что записалась в сценах из спектакля «Деревя умирают стоя». Я поздравил актрису поблагодарил ее и выразил надежду что мы все (рядом стояло несколько редакторов) скоро услышим премьеру этой записи. Ф. Г. неожиданно заплакала и сквозь слезы призналась, что недовольна собой, что она так мало сделала.

Я в то время работал на радио в отделе советской прозы и, набравшись смелости, предложил:

– Фаина Григорьевна, а не хотели бы вы записать что-либо из советских писателей?

– Отчего же, можно, – согласилась она. – Можно и из советских: важно, чтобы материал был для меня. Я ведь не чтица, я не умею читать, я могу сыграть рассказ, понимаете?

Любовь к Раневской зрителей известна. Слабый фильм 1963 года «Осторожно, бабушка!» вышел по посещаемости на первое место только потому, что в нем играла Раневская.

Дом актера устроил ее творческий вечер. Выступал Андроников – говорил хорошо, не выпуская из рук несколько листков бумаги, – и, хотя он почти не заглядывал в них, листки эти как бы свидетельствовали о серьезности речи, ее продуманности, отсутствии «юбилейного захлеба». Ираклий Луарсабович процитировал высказывание Рузвельта, посмотревшего в

1944 году «Мечту» (оно было напечатано в журнале «Лук»): «Мечта», Раневская – очень талантливо. На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса».

На вечере в ее честь, устроенном ВТО, Раневская вышла на сцену в самом конце вечера. Актеры ей преподнесли цветы, ВТО вынесло пышную корзину.

Ф.Г. кланялась, снова выходила на аплодисменты, тихо говорила «Спасибо, спасибо» и чувствовала себя, как она рассказала позже, отвратительно.

– Терпеть не могу юбилеев и чествований. Актер сидит как истукан, а вокруг него льют елей и бьют поклоны. Это никому не нужно. Актер должен играть. Что может быть отвратительней сидящей в кресле старухи, которой курят фимиам по поводу ее подагры. Такой юбилей – триумф во славу подагры. Хороший спектакль – вот лучший юбилей.

Роль мадам Розы Скороход, хозяйки меблированных комнат в фильме «Мечта», открыла огромное трагическое начало в таланте Фаины Раневской

Ф. Г. сказала мне это в дни, когда театр настаивал (и безуспешно) на праздновании ее 70-летия.

А тогда, в ноябре шестьдесят четвертого, в редакции мне поручили готовить новогоднюю радиопередачу «Веселые страницы». Я хотел построить ее на классике: Бабель, Зощенко, Ильф и Петров и, может быть, Катаев двадцатых годов. Стал думать об исполнителях. А что, если... Ведь Раневская обещала прочитать рассказы советских писателей.

Звоню Ф. Г.

– Я ведь вам сказала, – говорила она, – что я не чтица, мне нужно играть рассказ.

– Может быть, сами что-нибудь подберете?

– Хорошо, привозите рассказы. Я посмотрю. Все может быть. Я объясняю, насколько все это важно и нужно и для радио,

и для слушателей, и для меня, что Зощенко в новогодней передаче, да еще в исполнении Раневской, украсит всю программу.

– О нет! Только не торопите меня, – сказала Ф. Г. – Я посмотрю, выберу. Если найду возможным что-либо прочитать, тогда мы уж будем говорить о записи. В общем, привезите мне рассказы.

Я был рад несказанно. Товарищи по работе, в частности Катя Дыховичная, отнеслись к моей радости скептически. Катя говорила, что Раневская непременно откажется, а если и запишется, то потом может забраковать и запись, и самое себя.

– Ты не знаешь, как она относится к своей работе, – говорила Катя, – это тебе не N. N. записывать, который любой рассказ с листа читает.

На следующий же день я поехал к Ф. Г. На звонок вышла она сама – в черном до пят халате и с гардинной палкой в руках.

– Откуда вы? Что это? – удивилась она.

– Я с радио, – сказал я. – Это книга.

Кадр из фильма «Осторожно, бабушка!»

– Голубчик, как же так можно без звонка? У меня ремонт – я не могу принять вас.

– А я только привез вам рассказы. Я забежал по пути на работу – соврал я. – А то ведь времени до Нового года остается не так уж много.

– Спасибо, спасибо, – сказала Ф. Г. – Извините меня, что не могу принять вас. Позвоните мне, пожалуйста.

Я начал звонить Ф. Г. И, очевидно, очень быстро успел надоесть ей, ибо уже после второго или третьего звонка она сказала:

– Я выбрала кое-что. Если у вас есть желание и найдется время, приезжайте – я хотела бы прочитать вам, посоветоваться, подойдет ли это для вас. Когда вы сможете приехать?

– В любое удобное для вас время.

– Ну, приезжайте сегодня, сможете? – В тот же день я был у нее.

Рассматривать квартиру показалось неудобным. Стены были сплошь увешаны картинами, рисунками и фотографиями. Одно я успел заметить – нигде не фигурировала хозяйка. Простая, далеко не новая мебель – ее совсем немного: только самая необходимая или даже менее того. Но во всем чувствовался вкус и свой стиль, ненавязчивый, не бросающийся в глаза, не рассчитанный на восторг или неприятие. Запомнилось изобилие света – во всех комнатах горели все люстры, бра, настольные лампы и торшеры.

И хотя я пришел с деловым визитом, стеснение и неловкость поначалу не покидали меня. Но вот Ф. Г. заговорила, ее глаза смотрели внимательно и дружелюбно. Под этим взглядом, казалось, тысячу раз виденным с экрана, делалось легко, свободно и хотелось быть лучше.

Мы заговорили о Зощенко, его непростой судьбе, и я неожиданно для себя рассказал, как работал над главой о Михаиле Михайловиче для многотомной «Истории советской литературы», как не хватало мне живых свидетельств современников писателя.

Михаил Зощенко

– А вы не были знакомы с ним? – спросил я.

– Очень мало. Последний раз я его видела году в пятьдесят пятом. Он приехал в Москву и был в гостях у Пешковой – там, знаете, в горьковском доме на Малой Никитской. Был накрыт роскошный стол. Зощенко сидел очень печальный. Он раскланялся, и на лице его промелькнуло подобие улыбки. К еде он не притронулся.

Я не заметил, как пролетело два часа. Раневская прочла мне рассказ Зощенко «Пациентка» – о немолодой женщине, которая пришла к сельскому хирургу-фельдшеру не лечиться, а рассказать о своих переживаниях. Читала она неторопливо, как бы примеряясь к героям, но уже сочувствуя им, живя их волнениями. Слушая Раневскую, я по-новому воспринял рассказ героини. Раневская почувствовала в ней зощенковскую боль, которую не сразу и заметишь, ту частицу его «великой грусти», которую он всегда испытывал, видя ничтожность своих героев, смеясь над ними или сострадавая им.

– Вот видите, это совсем не смешно, – заметила Ф. Г. – А ведь вам нужно смешное – в Новый год люди хотят веселиться... Боюсь, что это не подойдет.

Я стал уверять, что программа вовсе не рассчитана на сплошной хохот, что в ней найдется место и лирике.

– Хорошо, – сказала она, – я еще подумаю, почитаю, посмотрю. Здесь много замечательных рассказов, но боюсь, они не для меня – я ведь не чтица. Но я посмотрю еще...

«Кинопанорама» и другие

– Сегодня, когда ехал к вам на девятнадцатом, весь троллейбус обсуждал вчерашнюю передачу Каплера (популярную в то время «Кинопанораму». – *Ред.*), – сообщил я.

– Я все хотела вас спросить, – перебила меня Ф. Г., – где вы ходите? У Яузских ворот?! Голубчик, я же просила вас – проезжайте на одну остановку дальше. Возле этих жутких трущоб нельзя и минуты находиться: не ровен час, обчистят карманы или, того хуже, пырнут ножом.

Кадр из фильма «Легкая жизнь». 1964 г.

– Ну, что вы! – засмеялся я. – Не во времена же Хитровки живем!

– А что изменилось? Когда я приехала сюда, на Котельническую, – это сорок восьмой год, кажется, – в этих жутких кварталах, спускающихся к реке, поверьте, все было как до революции. Только жителей стало вдвое больше. Мы с Павлой Леонтьевной (любимой своей учительницей и режиссером, которую она называла мамой. – *Ред.*) пошли гулять, так, увидев эту клоаку, женщину в драной ситцевой кофте – она набирала в ведро воду из колонки: там же ни водопровода, ни канализации, – «мама» сказала мне: «Фаина, мы попали в прошлый век. Никому не говори об этом. Это в столице государства, которое тридцать лет трубит, что оно для трудящихся».

И она оказалась права: прошло еще двадцать лет, и я сама видела, как грязные дети плескались у той же самой колонки – она возле трамвайной остановки. И рядом – наш небоскреб для избранных, последнее воплощение сталинского размаха! Вы плохо представляете, каким он был, когда я въехала. Скоростные лифты, холлы с мягкой мебелью, ковры на лестницах белого мрамора, прорва обслуги. И всюду охрана – в каждом подъезде привратники и лифтеры, которые бдели круглые сутки, чтобы, не дай бог, простые трудящиеся не увидели, как живут их слуги.

Сейчас дом, конечно, поплошал – слуг народа в нем стало меньше, поразъезались в новые дома получше, а трущобы у реки все те же. Я не раз говорила Таньке Тесс (известная в те времена журналистка. – *Ред.*):

– Ну, раз ты так обожаешь контрасты, ради них мотаешься по пять раз на год то в Париж, то в Лондон, то в Ниццу, напиши об этих кварталах у Яузы – таких контрастов нигде днем с огнем не сыщешь!..

Котельническая набережная в Москве

Я предложил Ф. Г. все же пойти погулять – день отличный и жара уже спала.

– Только не к Язуе! Туда я больше ни ногой! – предупредила Ф. Г. – Я проведу вас лучше к Таганке, к торговым рядам. Накупим там требухи, свиных ножек, наварим холодца и станем с ним у пивной на Хитровке. Эх, родился я на полвека раньше!..

Мы двинулись по маршруту, и тут Ф. Г. вдруг спросила:

– Так что вы говорили о Каплере?

Я рассказал о вчерашней «Кинопанораме», в которой Алексей Яковлевич посвятил несколько страниц несчастным судьбам детей Голливуда – Джеки Кугана, Ширли Темпл, Джуди Гарленд, которых эксплуатируют, пока они приносят доход, а потом бросают на произвол судьбы.

– Люся так и сказал? – удивилась Ф. Г.

– Ну, приблизительно. И еще об их покалеченном детстве. И фрагменты показал прекрасные!

– А о том, что и Кутан, и эта девочка Темпл стали миллионерами, он не говорил? Вот вам и Каплер, бесстрашный человек! Что делает ваше говенное телевидение с людьми! Люся чудный, добрый и умный человек. Настоящий мужчина, лихой до безрассудства. Ему же все в Ташкенте твердили: «Что ты делаешь? Ты – автор фильмов о Ленине! Оставь этот роман со Светланой. Сталин узнает – не сносить тебе головы!» А он – не знаю, так уж любил Светлану или просто пошел ва-банк, но наплевал на все знамения, и его сгноили бы в лагерях, если б «отец народов» не дал дуба.

Алексей Каплер

– Но он прекрасно ведет «Кинопанораму», – встал я на защиту Каплера, – его все любят, и если он и сказал там что-то о несчастных голливудских детях, то, по-моему, только для того, чтобы показать великолепные фрагменты из фильмов, которых мы никогда не видели!

– Он тут звонил мне, предлагал у него выступить, – Ф. Г. махнула рукой. – Только мне и лезть на телевидение! Я пыталась отшутиться: «Представляете – мать укладывает ребенка спать, а тут я своей мордой из телевизора: «Добрый вечер!» Ребенок на всю жизнь заикой сделается!» – «Дети, Фаиночка, в это время уже спят», – уговаривал он. – «Ну что же, тогда еще хуже, – сказала я, – жена с мужем выясняют отношения, и только он решил простить ее – тут я влезаю в их квартиру «Боже, до чего отвратительны женщины!» – понимает он, и примирение разваливается!» – «Но зрители ждут вас! – нажимал Люся. – Я получил сотни писем с просьбами пригласить вас к экрану. Вас увидят миллионы!» – «Сколько? – ужаснулась я. – Я просто умру со страху. И вы, как Раскольников, будете стоять над мертвой старухой! Нет уж, дорогой Люсенька, я скорее соглашусь станцевать Жизель, чем выступить по телевидению!»

– Вы действительно так испугались? – спросил я.

– Так или не так, какая разница! Вы опять задаете пустые вопросы! В конце концов, имею я право на кокетство если не как женщина, то хотя бы как актриса?! Между прочим, Каплер, не приняв мой отказ, пообещал отомстить мне в следующей же передаче. «И месть будет страшной!» – пригрозил он. Жаль, что я ее не увижу...

– Почему вы не любите телевидение? – спросил я.

– Наконец-то нормальный вопрос! – обрадовалась Ф. Г. – Может быть, потому, что я люблю смотреть кино. В кинозале, с людьми, на большом экране. И не приемлю эти телевизоры с изображением в коробку «Казбека», с idiotскими линзами-аквариумами. Не могу к этому привыкнуть... Впервые я увидела «аппарат дальновидения» – так он тогда назывался – в 1939 году. Мы снимали «Подкидыш» и вечером пошли в гостиницу «Москва» – там в холле стоял опытный образец чудо-аппарата. Все ахали от восторга. А я смотрела: да, чудо, актеры где-то работают, а мы их видим здесь. Чудо, но меньшее, чем то, что поразило меня в детстве, когда фокусник в цирке распилил даму на две части – голову отдельно от ноги, и

эти части, разнесенные в разные стороны, вдруг зашевелились. В тот же миг я расплакалась от ужаса! А тут глядела и оставалась равнодушной. Не волнует меня телевидение и сегодня.

Фаина Георгиевна не любила телевизоры и отказывалась от съемок в телепередачах

Мы дошли до садика, в котором стоял мраморный бюст Радищева.

– Вот куда я вас вела, – обрадовалась Ф. Г. – Здесь уютно и тихо, никто не знает ни памятника, ни садика – ни пионеры, ни алкоголики. Можно спокойно посидеть и выкурить наконец сигарету!

Отдышавшись, она продолжала:

– Представляю, сколько благоглупостей звучит с экрана! Об одних «Голубых огоньках» я столько наслышана. С меня хватит и радио. Утром, когда у меня работает моя «точка», я хоть могу мазать хлеб маслом и пить чай, не уставая, как умалишенная, в экран. И радиоблагоглупостей на мою жизнь мне достаёт! Я же давала вам свой список горестных заметок. Выбросили, наверное?..

Позже я нашел этот листок, на котором Ф. Г. выписала идиотизмы, прозвучавшие по радио. Это главным образом названия передач вроде: «Знаете ли вы мир прекрасного?», «В гостях у Федыкиных», «Искусство сближает сердца», «В вихре танца»...

– А почему бы вам не посмотреть, как Каплер отомстит вам? – спросил я. – Это же интересно!

– Нисколько. Это во-первых. А во-вторых, где? К соседу, Риме Кармену не пойду: и дома его чаще всего нет, и странно это: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Нет-нет! К Галине Сергеевне (Улановой) можно, но тоже надо заранее предупредить ее, она не откажет, но будет менять свои планы, куда-то не пойдет. А сидеть с ней – одно удовольствие: за вечер проронит две-три фразы. Вот, пожалуй, к кому можно смело идти, так это к Лиде Смирновой. Открытая душа, и мне будет рада. Искренне, без притворства! Расскажет в лицах о своем новом романе, да так, что и про передачу забудем! Когда мы с ней снимались в этом михалковском дерьме «У них есть Родина», мы так дружно страдали по своим возлюбленным – слезы лились в четыре ручья!..

Вы опять начинаете о моей роли! Я же не об этом. Да, фрау Вурст у меня получилась. Вурст – по-немецки колбаса. Я и играю такую толстую колбасу, наливающую себя пивом. От толщинок, которыми обложилась, пошевелиться не могла. И под щеки и под губы тоже чего-то напихала. Не рожа, а жопа.

В роли фрау Вурст в фильме «У них есть Родина». 1948 г.

Но когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на Родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать сребреников не жгли ли руки?..

И вот вам дополнение к вопросу о жутких судьбах детей в Голливуде. Только на этот раз не об ихних, а о наших. Непросто ведь здесь все!

Ф. Г. закурила и после паузы продолжала:

– Вот вам один пример. Я дважды снималась не с девочкой, а с живым чудом – с Наташей Зацепиной. Вы знаете эти картины – «Слон и веревочка» и эта самая – «У них есть Родина».

Я сначала боялась Наташи, все актеры боятся играть с детьми: они ведь не играют, а живут, так верят в происходящее, что разоблачают любого актера, который такой веры не нашел.

Неожиданно мы подружились. Может, оттого, что я вообще не умею сюсюкать и говорила с Наташей как со взрослой. А ей было шесть лет! Кроха! Это сорок пятый год, только война кончилась. Она приходила ко мне в уборную и наблюдала, как меня гримируют.

– Тебе интересно играть в мою бабушку? – спрашивала.

– Интересно.

– А ты меня уже любишь? – снова спрашивала она, когда мне натягивали парик.

– Я тебя всегда люблю, – говорила я.

– Но теперь, когда ты уже моя бабушка, сильнее?.. Пересмотрите ее фильмы. И «Жила-была девочка» – там ей три годика, и «Первоклассницу», где ей уже восемь. И не в том дело, что не найдете фальши. Нет, тут что-то есть такое, что трудно обозначить словами. Что-то такое, когда должно бы вроде быть стыдно, что видишь то, что видеть нельзя, а стыдно не становится – только восхищаешься: как здорово!

В фильме «Слон и веревочка» с юной актрисой Наташей Защипиной. 1945 г.

У Наташи киношная судьба не сложилась. Может, режиссеры ее не разглядели, когда она стала взрослой. После ВГИКа пошла в Театр сатиры, говорят, хорошо работает. Не знаю, я не видела. Но что-то ушло, если ее ставят в длинный общий ряд.

Поэт Эдит Пиаф

– Наталью Кончаловскую знаете? – спросила Ф. Г.

– Которая написала самое короткое в мире стихотворение в соавторстве с мужем? С самим Сергеем Михалковым! Решила потягаться с Чуковским и написать новую, антибактериальную поэму-сказку для детей.

– Муха села на варенье, – сочинила она первую строчку.

В это время ее позвали к телефону, в коридоре, а Михалков, увидев сочиненное, добавил свое:

– Вот и все стихотворенье!..

– Кончайте валять дурака, – остановила меня Ф. Г. – Наташа несколько раз звонила мне, приглашала. Я отнекивалась, сколько могла, но больше тянуть невозможно. Предлагаю вам сопровождать меня завтра в концерт Натальи Кончаловской, – сказала Ф. Г. безразлично.

– А что будет петь несравненная? – спросил я.

– Вы меня иногда ставите в тупик: откуда у вас берутся такие приступы слабоумия? Ерничаете над женщиной, не зная ее! «Я вам не давала никакого повода», – процитировала она неизвестно что. – Мы идем на концерт-лекцию «Поэт Эдит Пиаф», и дадут его не в Театре эстрады, а в Московском университете! В Коммунистической аудитории! Надеюсь, понятно, что такая аудитория требует соответствующего настроения!

Священного трепета стены Коммунистической у меня не вызывали: сколько здесь выслушано лекций Радцига по истории Древней Греции, Ади Яновны по истории советского кино (был такой факультатив!), докладов и выступлений на комсомольских собраниях. Правда, на этот раз нас усадили на самые почетные места – в первый ряд, где никогда мне сидеть не приходилось.

В роли миссис Мак-Дермот в фильме «Встреча на Эльбе». 1949 г.

На сцене появилась дама солидного возраста, но кокетливая и улыбчивая, очень аккуратная: на лбу тщательно уложенные колечки – одно к одному, отглаженное платье с оборочками и рюшечками, кружевной платочек, изящно выглядывающий из левого рукава.

– Ах, Париж, Париж, – начала она, – город снов и мечты! Не забыть его площадей, бульваров, улочек с кафе на открытом воздухе, предназначенных не для буржуа, а для про-

столюдинов. В одном из таких кафе меня пригласил на вальс человек с крепкими руками рабочего.

«Откуда вы такая?» – спросил он. «Я из Страны Советов, из Москвы», – сказала я. И чудо: он, изумленный, прекратил всякие ухаживания и только просил об одном: «Расскажите о вашей стране!..»

Кончаловская сделала глаза и заговорщицки кивнула Раневской. Опешившая Ф. Г. растерянно улыбнулась и незаметно толкнула меня в бок:

– Не смейтесь, умоляю!..

Как ей было трудно! Кончаловская на сцене работала для нее, и только на нее. Она обращалась к ней, рассказывая о судьбе Эдит Пиаф, как бы предлагая разделить вместе с нею страдания певицы, а когда звучали фонограммы с голосом «парижского воробышка» (почему-то именно это сравнение пришлось Кончаловской более всего по душе, и она употребляла его без конца), когда Пиаф запела свои трагические монологи, рассказчица переживала вместе с ней, успевая посылать Ф. Г. выразительные взгляды: «Ну как?!» Слушая певицу, она кивала, показывая, что понимает каждое ее слово, одобряет наиболее, с ее точки зрения, удачные строфы, а после окончания песни закрывала глаза, не в силах прийти в себя от нахлынувших чувств и впечатлений и держа паузу. Если же в зале вспыхивали аплодисменты, Кончаловская вставала со своего кресла и величественно склоняла перед публикой голову – влево, вправо.

Москва 50-х годов XX века

– Можно ей крикнуть «бис»? – тихо спросил я Ф. Г.

– Прошу вас, тише. Потерпите, – шептала она и тут же делала внимательно-восторженное лицо.

– Боже, какой позор! Ну, я натерпелась, – говорила Ф. Г., когда мы пошли после концерта домой. – Сейчас у нас мерзкие, серые газеты – все на одно лицо. А будь моя воля, я воскресила бы традиции нэпа и поместила бы рецензию «Страшная месть Коммунистической!». Этот замучивший нас ленинский тезис о соответствии формы содержанию! еще один такой концерт, и я подпишусь на полное собрание всех классиков марксизма сразу...

Недавно я прочла очень любопытную статью Чуковского, в «Литературке», кажется, как раз на эту тему. Корней Иванович вспоминает, что еще до революции купил роскошное издание «Войны и мира» с многочисленными цветными иллюстрациями. Делал их художник Апиц, мещанин по натуре и обыватель по восприятию. Чуковский начал в который раз читать Толстого и не смог! Мешала цветная дребедень с завитушечками, рюшечками и сантиментами! Так представляете: Корней Иванович заперся в своей комнате, сел у печки и всю

ночь сладострастно вырывал картинки из книги, из всех томов. И жег их. Жег с наслаждением, пока не убедился, что ни одной не осталось!..

У меня к вам просьба: у вас же есть записи, принесите их, давайте просто послушаем одну великую Пиаф.

Великая Эдит Пиаф

На следующий день я принес Ф. Г. магнитофон и пленку Пиаф, где записаны двенадцать ее последних песен. Мы слушали молча. Ф. Г. лежала на тахте, подложив под голову подушки, и плакала, закрыв глаза ладонями. Трагическая песня «Белые халаты» напугала ее. Когда я предложил повторить запись, она сказала:

– Не надо. Мне нельзя. Я очень боюсь.

Это «я боюсь» было сказано и во время чтения второй части зощенковского «Перед восходом солнца». Я читал роман вслух, Ф. Г. восхищалась удивительным языком его, мыслями, картинами прошлого, ей знакомого и близкого. Когда же Зощенко перешел к выяснению причин своего страха, к поискам истоков нервного расстройства и стал рассказывать о внезапно появлявшейся в его воображении руке, от которой он не мог скрыться, Ф. Г. прервала меня:

– Прощу вас, пожалуйста, не надо. Мне нельзя!

После всего, что Ф. Г. видела и пережила в Гражданскую войну: голод, тиф, жестокость и зверства террора, с трупами, раскачивающимися на фонарях и лежащими неделями на улицах, – всего, что так гениально описал Булгаков в «Белой гвардии» и «Беге», она заболела: боялась выходить из дому, переходить дорогу (этот страх сохранился у нее надолго). Ей пришлось лечиться. Болезнь вынудила ее оставить на время сцену: Ф. Г. не решалась ступить на подмостки, особенно подходить к их краю: ей казалось, что там, где сидят зрители, – обрыв, пропасть, бездна.

Зощенко пишет о том, как, выяснив причины возникновения своего страха, он смог сам излечиться, убедить себя, что в основе его боязни лежит не что иное, как цепь бессвязных совпадений, цепь случайностей, поразивших в детстве его воображение.

Не знаю, как прошло лечение Ф. Г. Может быть, страх перед больницей, перед необходимостью бросить сцену – лучшее, что у нее тогда было, – победил остальные страхи. Но когда Раневская появлялась в первом акте «Странной миссис Сэвидж» в «Тихой обители», догадывалась, где она, и, испытывая страх человека, которого засадили в психушку, боялась подойти к рампе, я каждый раз вспоминал ее рассказ о том, что случилось полвека назад.

Первая встреча с Роммом

Начало тридцатых годов. Раневская играет в Камерном. Однажды ей сказали:
– Вас хочет видеть режиссер с кинофабрики.

На обороте фотографии Раневская написала: «Я обнимаю мою старенькую мать, рядом брат и племянша, 57 г. В Румынии»

За кулисы пришел худенький молодой человек в потертых брюках и пиджаке, выглядевшим на два размера меньше нужного, с обтрепанными рукавами.

– Здравствуйте. Я – Михаил Ромм.

Ф. Г. фамилия показалась очень знакомой.

– Здравствуйте! – радостно улыбнулась она. – Я о вас так много слышала!

– Ну что вы! – остановил ее Ромм. – Вы слышали о другом – о знаменитом Рооме, а я начинающий и еще ничего не успел сделать.

Ф. Г. смутилась, а Ромм предложил ей сняться в его фильме «Пышка», сценарий которого он написал сам по мопассановской новелле. Прочитав сценарий, Раневская дала согласие.

Почти все съемки «Пышки» велись ночью.

– С тех пор у меня и появилась бессонница, – как-то призналась Ф. Г.

Но роль госпожи Луазо так увлекла ее, что заслонила физические трудности. Вот одна характерная деталь. Ромм снимал «Пышку» в немом варианте. Несмотря на это, Ф. Г. достала подлинник мопассановского рассказа и затвердила несколько фраз госпожи Луазо на языке оригинала. Это помогло ей почувствовать себя француженкой.

Когда в Советский Союз приехал Ромен Роллан, Горький решил развлечь его фильмом «Пышка». Картину крутили на горьковской даче. Дошли до эпизода, где госпожа Луазо бранит Пышку, – Роллан вдруг подпрыгнул на стуле от восторга. Раневская выразительно произнесла по-французски слово, близкое к русскому «проститутка». Артикуляция актрисы дала возможность «услышать» то, чего был лишен экран.

После фильма Роллан долго хвалил работу Ромма и среди актеров Раневскую. Картина по его просьбе демонстрировалась во Франции и прошла там с огромным успехом.

– Вы моя добрая звезда, – сказал Ромм Раневской, – вы принесли мне удачу.

Михаил Ромм

С Роммом Раневская сделала свою лучшую роль в кино – Розу Скороход в «Мечте».

Когда Ф. Г. оказалась случайно в одной больнице с Михаилом Ильичом, они долго разговаривали, вспоминали и свою первую встречу

Ирония судьбы: когда-то неизвестный Ромм стал «одним из самых» – причем признанных не только официозом, но и зрителем. А Роома, о котором с завистью говорил Михаил Ильич в тридцать втором, сегодня чаще вспоминают как автора «Гранатового браслета» – последней цветной экранизации повести Куприна, получившейся на экране пошлой и слезливо-сентиментальной. Сатирики окрестили ее кулинарной книгой по изготовлению пунша в арбузе и других ресторанных редкостей.

Антипырьин

– С режиссерами мне всю жизнь везло. В поисках хорошего я меняла сцену на сцену, переспала со всеми театрами Москвы и ни с кем не получила удовольствия!

А в кино?! «Ошибку инженера Кочина» Мачерета помните? У него в этой чуши собачьей я играла Иду, жену портного. Он же просто сделал из меня идиотку!

– Войдите в дверь, остановитесь, разведите руками и улыбнитесь. И все! – сказал он мне. – Понятно?

– Нет, Сашенька, ничего не понятно!

– Но, Фаиночка, согласишься, мы не во МХАТе! Делаем советский детектив – на психологию места тут нет!

Я сдалась, сделала все, что он просил, а потом на экране оказалось, что я радостно приветствую энкавэдэшников!

Не говорю уже о том, что Мачерет, сам того не желая, сделал картинку с антисемитским душком, и дети опять прыгали вокруг меня, на разные голоса выкрикивая одну мою фразу: «Абрам, ты забыл свои галоши!»

Кадр из фильма Михаила Ромма «Пышка». Раневская в роли госпожи Луазо

А Кошеверова? Выбросить из «Золушки» мой лучший эпизод! После того как этот чертов башмачок пришелся по ноге Леночке Юнгер – она чудно Анну играла, – я зычно командовала капралу: «За мной!» И тут же запевала:

– Эх ты, ворон, эх ты, ворон, пташечка! Канареечка жалобно поет!

И под удивительный марш сочинения Спадевеккиа отправлялась во дворец. Где это все? Можно подумать, что мне приходилось в кино часто петь!

А Пырьев?! Я снималась у этого деспота в «Любимой девушке». «Любимую», разумеется, играла Ладынина, из меня делать «любимую» никто никогда не пробовал. И что же? В последний съемочный день он мне говорит:

– Фаина Григорьевна, я надеюсь на нашу дальнейшую совместную работу.

И думаете, случайно я выпалила в ответ:

– Нет уж, дорогой Иван Александрович, я теперь вместо пургена буду до конца дней моих пить антипырьин, чтобы только не попасть еще раз под ваше начало!

Это был сплошной кошмар! И зачем я только согласилась на эту тетку Добрякова?!

Вася Добряков достался Санаеву Пырьев орал на него как резанный, а Санаев, хороший, мягкий человек, после того как случайно попал в КГБ и отсидел там, кажется, неделю, стал

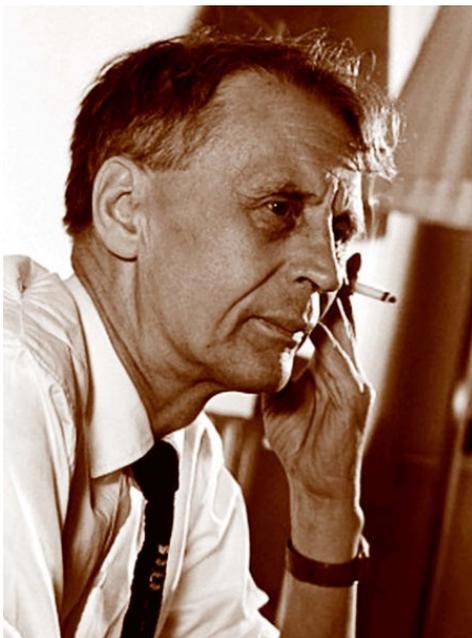
запуганным на всю жизнь: никогда никому не возражал и со всем только соглашался. Иван вил из него веревки!

На Марину кричать побаивался. Она всем на каждом шагу говорила:

– Я – мхатовка!

При этом хотелось встать, снять шляпу и обращаться к ней только по имени-отчеству. Хотя на самом деле она была но МХАТе без году неделю.

Мхатовка! Подумаешь – невидаль! Я сама могла бы называться мхатовкой, если бы не моя рассеянность. Да, я действительно однажды забыла люстру в троллейбусе. Новую, только что купленную. Загляделась на кого-то и так отчаянно кокетничала, что вышла через заднюю дверь без люстры: на одной руке сумочка, другая была занята воздушными поцелуями. Но со МХАТом все получилось значительно хуже.

Иван Пырьев

Боже, меня пригласил на встречу сам Немирович-Данченко! Я пришла в его кабинет, с волнением ступая по мхатовским сукнам фойе и коридоров, сидела перед ним в кресле, любуясь его необыкновенной бородой. Знаете, что в ней было необыкновенного? Только не смейтесь! Она на самом деле светилась! От нее исходило сияние. Перевернутый нимб – не над головой, а под подбородком, как слюнявчик у ребенка. Немирович предложил мне работать во МХАТе.

– Вы можете подумать, дорогая. Я понимаю, приглашение в наш театр способен изменить всю жизнь актрисы, – сказал он.

– Что тут думать, – выпалила я. – Я согласна, конечно. Согласна!

И, прощаясь, когда Немирович поцеловал мне руку, проникновенно произнесла:

– Спасибо, спасибо вам, Василий Петрович! Этого дня, Василий Петрович, я никогда не забуду!

А наутро секретарь Немировича мне сообщила:

– Приказ о вашем зачислении в труппу Художественного театра Владимир Иванович отложил.

Отложил, увы, навсегда.

– Господи, Фаина, объясни, почему ты назвала Владимира Ивановича Василием Петровичем, – удивился Качалов, с которым я поделилась своим горем. – Ну, Василием – это я

могу понять: ты в это время думала обо мне, как мы вместе выйдем в «Вишневом саде». Но откуда взялся Петрович? Еще один роман?!

Роман со МХАТом, о котором я мечтала, не получился. Аде Войдик с Пырьевым тоже, конечно, безумно не повезло. Ее угораздило родить ему ребенка. Сыграла она в его «Конвейере смерти» и «Партийном билете» отлично – она вообще настоящая актриса, хоть и не мхатовка. И пить не умела. Но когда Иван остался без работы, кормила семью.

В роли Мани, тетки Добрякова в фильме «Любимая девушка». 1940 г.

А потом ему понадобилась актриса, которая плясала бы и пела в полях, исходящих невиданными урожаями. Ада и на это оказалась неспособна. А какие у нее выразительные глаза! Не говорю о «Мечте», но у Эйзенштейна во второй серии «Ивана» какая она Глинская! Вроде и роли нет, а молодец!

Я с Пырьевым спорила до хрипоты. Ситуация в этой «Любимой девушке» – на уровне дебила. Любимая любит любимого, простого рабочего, собирается родить от него ребенка, но не хочет, чтобы на заводе знали об их браке. Как вам это нравится? Ничего себе конфликт состряпали?!

– Она – человек стеснительный, боится, что ее засмеют, – объясняет мне Иван.

– Так как же вы хотите, чтобы я к этой дуре относилась с симпатией?

– Из женской солидарности, – предлагает он.

– Но ведь я тетка ее мужа и не могу встать на сторону предающей племянника кретинки!

– Фаина, не упрощайте! Речь идет о психологической драме! – сказал он и твердил это всю смену, до посинения. Извел меня окончательно, а роль-то – выведенного яйца не стоит!

– А как же быть с «Нет маленьких ролей – есть маленькие артисты»? – спросил я. – Вы же сами не раз вспоминали Станиславского!

Кадр из фильма «Любимая девушка»

– Вспоминала! И напрасно. Ошибся великий. Маленьких ролей предостаточно. Из них получаются такие же большие, как из дерьма – пуля! И еще. Один совет в нашей стране советов. Запомните: за все, что вы совершаете недоброе, придется расплачиваться той же монетой. Не знаю, кто уж следит за этим, но следит и очень внимательно. Марина оказалась в той же ситуации, в какую по ее вине когда-то попала Ада Войчик: Пырьева увела другая. И расплата на этот раз, по-моему, самая жестокая. Какой нынче у нас год? Так вот считайте: с пятьдесят четвертого года, когда Марина сыграла у Пырьева последнюю роль – «Испытание верности» назывался этот ее далеко не лучший фильм, – прошло пятнадцать лет! И за это время в жизни признанной кинозвезды ни одной картины! Пятнадцать лет! Что может быть страшнее для актрисы?..

Не только актриса

Я уже говорил, что Раневская – соавтор почти каждой своей роли. А порой – единственный автор. Иногда, правда, ее соавторство минимально. С точки зрения вмешательства в авторский текст. Минимум, вероятно, в «Золушке» Е. Л. Шварца. Ф. Г. очень любила этого «современного сказочника», а роль Мачехи относилась к числу тех, что принесли настоящую радость.

В одной из своих реплик возмущенная Мачеха говорит о «сказочном свинстве». Его Раневская успешно воплотила в своей роли. В ее Мачехе зрители узнавали, несмотря на пышные «средневековые» одежды, сегодняшнюю соседку-склочницу, сослуживицу, просто знакомую, установившую в семье режим своей диктатуры. Это бытовой план роли, достаточно злой и выразительный.

Но в Мачехе есть и социальный подтекст. Сила ее, безнаказанность, самоуверенность кроются в огромных связях, в столь обширной сети «нужных людей», что ей «сам король позавидует». Причем у Шварца король не завидует Мачехе, но боится ее (это король-то!) именно из-за этих связей.

– У нее такие связи – лучше ее не трогать, – говорит он.

Мачеха-Раневская прекрасно ориентируется в сказочном государстве, она отлично знает, какие пружины и в какой момент нужно нажать, чтобы достичь цели.

Проба на роль мачехи к кинофильму «Золушка». 1947 г.

Пусть сказочно нелепа задача, которую она себе поставила, – ее и ее уродливых дочек должны внести в Книгу первых красавиц королевства, – но средства, которыми она пытается добиться своего, вполне реальны. Мачеха знает: нужны прежде всего факты («Факты решают все!» – лозунг!), нужны подтверждения собственного очарования и неотразимости, а также аналогичных качеств ее дочерей. И начинается увлекательная охота за знаками внимания короля и принца: сколько раз король взглянул на них, сколько раз сказал им хотя бы одно слово, сколько раз улыбнулся «в их сторону». Учету «знаков внимания высочайших особ» Мачеха и ее дочери посвящают весь сказочный королевский бал.

Это одна из замечательных сцен фильма. В ней все смешно: и то, чем занимается милое семейство, и то, как оно это делает. Раневская здесь, повторим, минимальный соавтор

Шварца-сценариста, но полная хозяйка роли. По сценарию дочери сообщают матери о знаках внимания, и та, зная силу документа, немедленно фиксирует в блокноте каждый факт. Ф. Г. ничего не добавила в текст. Она только повторила в несколько усеченном виде реплики дочерей. На экране сцена выглядела так:

Анна. Запиши, мамочка, принц взглянул в мою сторону три раза...
Мачеха. Взглянул – три раза.
Анна. Улыбнулся один раз...
Мачеха. Улыбнулся – один.
Анна. Вздохнул один, итого – пять.
Марианна. А мне король сказал: «Очень рад вас видеть» – один раз.
Мачеха. Видеть – один раз.
Марианна. «Ха-ха-ха» – один раз.
Мачеха. «Ха-ха-ха» – один раз.
Марианна. И «Проходите, проходите, здесь дует» – один раз.
Мачеха. Проходите – один раз.
Марианна. Итого три раза.

Кадр из фильма «Золушка»

Свои реплики Раневская произносила меланхолически-деловито, как бы повторяя слова дочерей для себя. Притом она с легкой небрежностью вела запись в блокноте – точно так, как это делают современные официанты. Закончив запись, Мачеха, не моргнув глазом, подытожила ее тоже не менее «современно»:

– Итак, пять и три – девять знаков внимания со стороны высочайших особ!

Реплика неизменно вызывала смех. находка Раневской вскрывает немудреный подтекст роли. В пору, когда любая критика чуть «выше управдома» находилась под запретом, подобные намеки находили у зрителя радостное понимание.

Я поинтересовался, как Евгений Львович относился к таким «вольностям» актрисы?

– О, он был очень доволен, – сказала Ф. Г., – хотя, как никто другой, бережно, даже болезненно бережно относился к каждой фразе, каждому слову в сценарии. Очевидно потому, что работал над своими вещами необычайно тщательно. Меня Шварц любил и позволил несколько отсебятин – правда, согласованных с ним.

Там была еще такая сцена. Я готовлюсь к балу, примеряю разные перья – это я сама придумала: мне показалось очень характерным для Мачехи жаловаться на судьбу и тут же смотреть в зеркало, прикладывая к голове различные перья и любоваться собой. Но для дей-

ствия мне не хватало текста. Евгений Львович посмотрел, что я насочиняла, хохотнул и поцеловал руку: «С Богом!».

Теперь эпизод стал таким.

Мачеха, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные перья.

– Я работаю, как лошадь. Бегаю (перо), хлопочу (перо), требую (перо), добываю и добываюсь (перо), очаровываю (тощее павлинье перо).

Съемочная группа фильма «Золушка»

Кстати, хотя все это и вошло с разрешения Евгения Львовича в фильм, но, издавая сценарий, Шварц остался верен первоначальному варианту своего текста и вымарал все мои «добавки», все эти «добываю и добываюсь» – еще одно свидетельство, как относился он к написанному

Мачеха – одна из лучших комедийных ролей Раневской. Но вот загадочная метаморфоза: злая Мачеха – объект ненависти читателей «Золушки» Перро – в фильме вызывает восхищение и восторг. Даже юные зрители, которые часто острее взрослых воспринимают зло, встречают ее появление на экране с радостным оживлением. И по окончании фильма говорят о ней не с возмущением, а с любовью.

И при этом Мачеха ни на секунду не перестает быть «отрицательной». Ее чванство, хамство, тирания обрисованы и сыграны выпукло, четко, без полутонов. Даже покидая поле битвы, она не желает признавать поражения. «А еще корону надел!» – успевает она бросить королю.

Мачеха Раневской глупа и мелочно коварна. Она, конечно, никогда не признается в этом, ибо считает себя талантливым стратегом и женщиной, умеющей жить. Как она хочет пробиться в высший круг – в королевское семейство! Для этого все средства хороши. «Капрал! Зовите короля! Туфелька как раз по ноге одной из моих дочек, – стремительно приказывает она, не собираясь примерять хрустальный башмачок. И тут же добавляет весьма многозначительно: – Я вам буду очень благодарна. Вы понимаете меня? Очень! (Тихо.) Озолочу!»

А как деловито-озабоченно осведомляется она, когда башмачок пришлось все же примерить и он оказался мал для ее дочерей: «Других размеров нету?»

И все это Раневская делает открыто, напоказ. Ее коварство – демонстративное, хитрость – обнаженная, глупость – откровенная. Раневская играет свою Мачеху так, что заставляет зрителя насквозь видеть ее.

С Эрастом Гариным в сказке «Золушка»

Демонстративное коварство Мачехи – не страшно, оно – смешно. Раневская сама смеется над ним и приглашает к смеху зрителя. Она убеждает – можно заставить зрителей ненавидеть героя и при этом им восхищаться. Восхищение – от мастерства актрисы. И при этом актриса, безусловно, любит своих героинь, как это ни парадоксально звучит.

«Золушка» – минимальный вариант вмешательства Ф. Г. в текст роли, прямого соавторства. Но кто установит ее многочисленные дописки текста в других фильмах?

– Как рождаются эти фразы, трудно сказать, – говорила Ф. Г. – Часто путем долгих поисков, когда мучаешься над текстом и не можешь понять, чего же не хватает. Иногда как бы само собой. Но без этого я не смогла бы играть. Вот в «Мечте», помните, я обнаруживаю пропажу денег, кидаюсь к прислуге, выхватываю у нее из-за пазухи пачку купюр и кричу:

– Смотрите, панове, у меня в доме воровка. Она обокрала меня, сломала комод и вытащила деньги. Это же мои деньги – они еще пахнут нафталином!

Последняя фраза про нафталин родилась на съемках – я нюхала деньги и громогласно объявляла результат. Без него вся сцена мне показалась малоубедительной: ведь запах нафталина здесь единственное доказательство, что к прислуге попали деньги именно из комода. И притом обнюхать собственные деньги, согласитесь, что для Розы Скороход – это точная, характерная деталь.

«С досадой!»

Мы договорились пойти днем погулять по Кремлю.

– Полвека не было такой возможности. Надо же взглянуть, во что превратили большевики памятник культуры. И истории тоже, – сказала Ф. Г.

Но наш «главный» – Константин Степанович Кузаков – объявил прослушивание и обсуждение. Удрать после того, как я столкнулся с ним лицом к лицу в коридоре, было невозможно. Пришлось позвонить Ф. Г. и извиниться.

Рабочий момент съемок

Потом она рассказала:

– Я ходила по Кремлю одна, дошла до царь-пушки, села и больше не вставала. Нет Чудова монастыря, нет знаменитых церквей и памятников. Но сидеть, размышляя о варварстве в горестном одиночестве, мне не дали. И все потому, что я оказалась брошенной на произвол судьбы. С вами ко мне почти не пристают, а тут я заделалась фотомodelью:

– Можно с вами сфотографироваться? А нам можно с вами...

– Конечно, с удовольствием, – лицемерила я, понимая, что прогулке конец.

Вот только солдатик один понравился. Он подошел, покраснев от смущения, как мак, и попросил:

– Моя мама с детства любит вас, и я тоже видел вашу «Золушку». Можно, я пошлю маме фотку с вами? И автограф.

Конечно, на «фотку» я не могла не согласиться! Нас щелкнул какой-то фотокорр и – не поверите – оказался честным человеком! Первый раз в жизни я получила от него десяток добрых бабушек, соблазняющих воина советской армии. Вадим Козин получил за это срок, а мне пока сошло с рук.

Ф. Г. выбрала одну фотографию, «самую лучшую», как она сказала, и надписала ее: «Милому Глебу – с досадой!»

– Такая я уж злопамятная, как шварцевская Мачеха, – сказала она и вдруг спросила:

– А вы боитесь Кузакова?

– Когда в редакции заговорили, что он сын Сталина, и лоб его, и овал лица, особенно надбровная часть, мне показались копией со знаменитых портретов, я испытал и любопытство, и непонятную робость. Но потом привык, как и все.

Короткое время я был ответсекретарем, с Константином Степановичем общался по нескольку раз на день, и, по-моему, мы сработались. Во всяком случае, он понял мой скулеж по привычной работе и жалобы на бесконечный поток планов – тематических, перспективных, квартальных, недельных – и отпустил меня снова в корреспонденты. Он хороший человек. И добрый, хоть проколов не забывает.

Ф. Г. выбрала одну фотографию, «самую лучшую», как она сказала, и надписала ее: «Милому Глебу – с досадой!»

– Злопамятность у него от отца. А доброта от матери, простой русской бабы, пожалевшей и согревшей когда-то ссыльного в ледяном Туруханске. Все русские женщины жалостливы по натуре. И я тоже, хоть и из другого рода, – вздохнула Ф. Г. – Россия нас делает такими.

А с вашим нынешним шефом я сталкивалась на «Мосфильме». Он ведь сделал оглушительную карьеру: чуть ли не в двадцать лет стал работником аппарата ЦК – шагнул из рядовых на самый верх, минуя положенные ступени. И дошел бы Бог знает до каких высот, если бы не смерть отца. На «Мосфильм» его прислали главным редактором, держался он скромно. Но если звучало: «Кузаков согласен», значит, картине открыт зеленый свет. Вот вам и странности нашей системы.

Закончила Ф. Г. неожиданно:

– А о Кремле я вам не скажу больше ни слова. Пока мы не совершим прогулку по его камням, увы, уже не священным...

Прогулка по Кремлю

В Кремль мы собрались месяца через два. Было уже тепло, деревья зазеленели.

– По правде говоря, мне и не очень хочется бродить здесь, – сказала Ф. Г., когда мы миновали Спасские ворота. – Одного раза вполне довольно. До революции, как вы, конечно, не догадываетесь, я не удосужилась посетить этот символ государственности. Другие были заботы, и ничего, кроме малинового звона на пасху – со всех сторон, и из Кремля тоже, – не запомнила. Меня, по легкомыслию, больше интересовал Мюр и Мерилиз – там мне Гельцер поднесла чудную Шанель № 5. На такие духи моих денег не хватило бы.

А потом Кремль стал закрытой крепостью, и я видела его только в кино. Смотрела на экране бесконечные физкультурные парады на Красной площади и не подозревала, что они – любимое зрелище Сталина и его подельника Гитлера. Михаил Ильич Ромм в своем «Фашизме» показал это.

Москва, физкультурпарад. 1938 г. ФотоЭ. Евзерикина

Александров и Пырьев по поводу и без вставляли Кремль в свои фильмы. Иван даже умудрился засунуть его в эту ходульную мелодраму где Ладынина всю картину страдает на одной краске. Не помню, как этот бред назывался.

– «Испытание верности», – сказал я.

– «Испытание зрителя», который может все снести, если чушь подслащена Дунаевским. Исаак Осипович, кстати, и был-то в Кремле от силы два раза, получая награды. Я тоже побывала на таком получении и на всю жизнь запомнила это.

Задолго до события составлялись подробные списки. Там указывалось все: место рождения, год, образование, работа, семейное положение и номер паспорта, конечно. Потом, недели за две до вручения ставили в известность, когда и к каким воротам явиться.

– Не забудьте паспорт! – предупреждали по телефону. Помню, часам к двум дня у Боровицких ворот, в садике, выстроился длинный хвост – никого не пускали, пока не выйдет время. Затем поочередно начали сличать фотографию в паспорте с наружностью, номера и прописку с тем, что значилось в списке, и так у каждого, каким бы известным он ни был. Пройдешь ворота – дальше ни с места, жди, пока всех не проверят.

Стою, оглядываюсь: нигде ни души, пустой тротуар к Кремлевскому дворцу, и только дюжина кагебешников возле нас, все в форме. Шестеро встали впереди, шестеро – сзади и повели нас колонной к Дворцу. «Как заключенных, – подумала я. – Только конвою не хватает ружей».

– Подтягивайтесь, подтягивайтесь, товарищи! – торопят нас.

Всем-то любопытно, вертят головами по сторонам, но нельзя! А идти всего метров сто, не больше. У входа во Дворец – там такая медная табличка сверкала на солнце «Верховный Совет Союза ССР» – снова проверка, такая же дотошная, все уже измотались – сил нет. Поднялись по длиннющей лестнице, а уже три часа!

Московский Кремль

Появился Калинин, нет – Георгадзе. Расплылся в улыбке и сказал мне что-то об особом удовольствии, и я в ответ заулыбалась, а сама думала: «Скорей бы все это кончилось». Неуютно там, как в казарме. И бокал шампанского не поднял настроения.

А главное, дальше – то же самое, но в обратном порядке! «А теперь-то зачем? – закипала я. – Ну, каждый получил свое, ничего не украл, – отпустите душу с Богом!» Нет, те же испытующие взгляды, каменные лица, будто и «Весну» никогда не видели, – это я ведь за Маргариту Львовну получала лауреатство.

Мы сидели на скамейке неподалеку от царь-колокола, никогда не звонившего, и царь-пушки, никогда не стрелявшей.

– А это и не нужно! – усмехнулась Ф. Г. – У русского народа – постоянная тяга к гигантам. Все самое большое, пусть и недействующее, – наше. Огромное и могучее. Отсюда и страсть к силе, поклонение всевластию, восторг от изуверства, сделанного сильной рукой.

Пойдемте на ту сторону – я вам кое-что покажу, – предложила Ф. Г., и мы ступили на зебру пешеходного перехода, но тут же раздался свисток одиноко стоящего военного:

– Вернитесь!

– Туда нельзя, – сказала Ф. Г., – а вы говорите «свобода, гуляй, где хошь!» Ну, так постоим здесь, и отсюда все разглядите.

Ф. Г. указала на Пыточную башню и стройную кирпичную беседку, крыша которой подпиралась пузатыми балястрами.

– Изящная, правда? – усмехнулась она. – «Нарекая» называлась. Оттуда два великих государя, и Иван и Петр, наблюдали за казнями, смотрели во все глаза, как на лобном месте рубили головы, на площади вешали бояр и стрельцов, а потом шли в Пыточную и измывались над близкими и приближенными, наслаждались, видя, как они корчатся на дыбе, а то и сами делали с ними кое-что. Почитайте «Елифанские шлюзы» Андрея Платонова. Он живописует издевательства Петра над англичанином, которого сам же пригласил строить канал между Доном и Окою, наподобие голландских, что с юности втемяшились в него. Петр достигал ивановской жестокости – и тут у писателя все достоверно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.